

Н. Ф. Левин
юрист, краевед,
почетный гражданин города Пскова

Воспоминание о «Карамышевской ссылке»

Чтобы рассказать о непродолжительном пребывании в тогдашнем районном центре Карамышево, приходится начинать издалека, со школьных и студенческих годов. Они были нелегкими. Из Пскова мы с отцом-инвалидом, лишившимся левой почки, и с матерью-домохозяйкой эвакуировались 5 июля 1941 года и оказались в Ульяновске. Отец, портной по профессии, стал работать в мастерской, переключившейся на пошив шинелей и телогреек, а я отправился в школу.

При хорошей памяти и любви к чтению, учеба давалась мне без особых усилий. После 6-го класса, 29 мая 1942 года, «за отличные успехи и примерное поведение» мне вручили похвальную грамоту, украшенную портретами Ленина и Сталина, а в свидетельстве об окончании семи классов «2-ой средней школы имени Ленина Сталинского района г. Ульяновска» (вот так!) оказалось 12 оценок «отлично», и лишь по военному делу – «хорошо». С осени 1943 года снабжение даже по карточкам ухудшилось, и после школы, сменяя мать, приходилось долго простаивать в очередях. Так что в табели за 9-ый класс появились четверки по физике, химии, немецкому языку и, конечно, по военному делу. Примерно такие отметки были и за 9-ый класс (табель не сохранился).

Из эвакуации мы вернулись в июне 1945 года. Учась в 10-м классе 9-ой средней школы Пскова, пришлось всерьез задуматься о предстоящем поступлении в вуз. Было ясно, что в 1946 году попасть туда будет не просто, поскольку на учебу вернутся демобилизованные из армии. Полную гарантию зачисления, причем без вступительных экзаменов, дава-

до окончания школы с золотой медалью. Они были введены с 1945 года. Пришлось не расслабляться. Полученная мною золотая медаль стала первой в Пскове. А поступил я на юридический факультет Ленинградского университета.

Преподаваемые там гуманитарные науки при прилежании и даже средних способностях усвоить можно. Все пять лет в моей зачетной книжке были только пятерки. А повышенная стипендия облегчала жизнь. Хватало времени и почитать (библиотека в университете богатейшая), бывать в театре и в кино, добровольно ходить в секцию легкой атлетики (однажды стал чемпионом вуза по кроссу на 3 км) ... К семинарам я всегда готовился основательно, курсовые работы делал обстоятельные. Декан юрфака Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959), единственный из ученых-юристов получивший Сталинскую премию (за толстенную монографию «Государственная социалистическая собственность», 1948 г.) вел в нашей группе семинарские занятия по гражданскому праву и заинтересовался моей курсовой по истории и праву ремесленных цехов. Не имея времени долго беседовать о ней на факультете, он пригласил вечером к себе домой. Впервые я увидел кабинет ученого – большую комнату, заставленную стеллажами с книгами, между которыми было трудно протиснуться. Другой профессор О. С. Иоффе на лекции для младшего курса отметил серьезную разработку мною темы «Момент перехода права собственности». А дипломная работа «Недействительность сделок и ее последствия по советскому гражданскому праву» в рецензии была признана достойной публикации.

Все это пишется не для похвалы, а чтобы была понятна глубина разочарования, когда зарождавшиеся мечты об аспирантуре разбились о суровую действительность того времени. Распределение выпускников 1951 года проходило в обстановке широкой пропагандистской кампании по борь-

бе с космополитизмом и сионизмом. На заседание комиссии меня вызвали среди первых, как и других получивших дипломы с отличием. Заикаться об аспирантуре не имело смысла, и я просил направить в Псков, где жили престарелые родители. Присутствовавший руководитель псковского Управления юстиции заявил, что принять меня не может. После некоторого молчания представитель из Вологды предложил место нотариуса в отдаленном районе области. Подписать такое направления я отказался.

В Пскове председатель Президиума областной коллегии адвокатов Н. А. Самойлов возмущался, так как он давал заявку на приглашение выпускников. Во время командировки в Москве Самойлов получил в Минюсте республики разрешение принять меня на работу. 2 августа 1951 года меня зачислили в коллегия, причем шестимесячную стажировку я проходил под его личным руководством. Николай Алексеевич был эрудированным, красноречивым и убедительным судебным оратором, к тому же увлекался краеведением, дружил с Л. А. Твороговым, печатался в «Псковской правде», до войны был ее корреспондентом и даже брал интервью у К. К. Рокоссовского.

Как тогда водилось, меня сразу, с 1 сентября, обязали посещать двухгодичный вечерний университет марксизма-ленинизма при горкоме партии, затем избрали секретарем комсомольской организации нарсудов. Пединститут поручил мне читать лекции по советскому государственному праву для студентов-заочников истфака, приезжавших сдавать экзамены. В Госарбитраже при Облисполкоме, студенческую практику в котором я проходил в 1950 году после 4-го курса, работал лишь один арбитр (с забавной для судьбы фамилией Шемякин), и теперь во время его отпусков меня назначали и. о. главного арбитра. В начале 1953 года Городская юрконсультация заключила договор с оптовой базой «Глав-

легсбыта» на ее юридическое обслуживание, которое возложили на меня. (Кстати, именно тогда, поскольку мое редкое отчество «Файвесович» трудно запомнить и произносить, придя на базу, я представился Натаном Феликсовичем. Оно прочно вошло в обиход. Даже через 55 лет, заполняя удостоверение о присвоении мне звания «Почетный гражданин Пскова», в скобках указали «Феликсович»). Хотя меня самого лишь в феврале 1952 года перевели из стажеров в адвокаты, но вскоре привлекли к проверке прохождения стажировки Галиной Левит и Анатолием Леокумовичем, поручали читать доклады на семинарах стажеров и молодых адвокатов.

Казалось бы, несмотря на молодость, авторитет у меня был, и можно спокойно работать в городе. Но прежние пропагандистские кампании не кончились. Их подстегнуло известной «дело врачей-убийц». 7 марта 1953 года в присутствии того же руководителя Управления юстиции состоялось заседание Президиума коллегии адвокатов с одним вопросом: «Укомплектование районов Псковской области». Протокол этого заседания хранится в архиве (ГАПО, ф. Р-1821, оп. 1, д. 37). Кроме двух адвокатов, переводимых из одного района в другой, на заседание были приглашены адвокаты одной национальности: Гейликман, Горелик, Зильберкант, Левин, Левит, Шлосберг. (Не следует удивляться обилию в коллегии евреев. Тогда их не брали на работу следователей, прокуроров, судей и в МВД). Ленинградку Галину Левит, не имевшую жилья в Пскове, без возражений с ее стороны назначили заведующей юридической консультацией Палкинского района. (Заведующий – громкое слово. Во всех случаях речь шла об укомплектовании мелких консультаций с одним адвокатом, который и был заведующим).

Адвоката городской консультации Исаака Шлосберга еще 2 января 1953 года, в его отсутствии на заседании Президиума и не спрашивая его согласия, назначили и. о. заведу-

ющего той же Палкинской ЮК на место уволенного. Но он туда не поехал. Теперь ему предлагали отправиться в Новосельскую ЮК, адвоката которой на том же заседании решили перевести в более крупную Дновскую ЮК для объединения семьи. Исаак Наумович указал, что его жена – врач больницы станции Псков, а на станции Новоселье железнодорожного врачебного участка нет. У них маленький ребенок. И теперь его семью разъединяют ради соединения другой, бездетной семьи. Несмотря на категорический отказ, Шлосберга назначили зав. Новосельской ЮК, а также решили ходатайствовать перед Обкомом партии о переводе его жены в распоряжение Новосельского райздравотдела. (Жену, конечно, никуда не перевели, а постановление по Шлосбергу после жалобы в Министерство были вынуждены отменить).

Яков Горелик тоже отказывался от перевода в Качановский район, заявляя, что он уже семь лет работает в Пскове, имеет на иждивении племянника – ученика 9-го класса. Не помогли и эти доводы. А меня назначили в Карамышеский район, хотя я указал, что район небольшой, адвокатской работы там мало и юрконсультация будет нерентабельной. Меня заверили, что на первые три месяца будет установлена гарантийная зарплата и мне разрешается продолжить обслуживание торговой базы, то есть быть в Пскове, когда сочту нужным. Понимали, что делать там будет нечего, и все же направляли. Такова была воля областного начальства, противиться которой Коллегия адвокатов не могла.

Помещения для юрконсультации в Карамышеве не было. Судья разрешила находиться в маленькой комнатке секретаря суда за вторым столом, где иногда заполняли бумаги люди, приходившие в суд. Маленькие кодексы и деловые бумаги лежали в моем портфеле, с которым я не расставался. Изготавливать вывеску мы не стали. Расписания приема тоже не было, так как я приезжал из Пскова далеко не каждый ра-

бочий день и не знал точно, когда смогу приехать. Главной моей обязанностью было обеспечение защиты подсудимого в порядке статьи 55 Уголовно-процессуального кодекса. Она предусматривала, что в случае, если в судебном заседании для поддержания обвинения участвует прокурор, а обвиняемый сам не нанял защитника, то суд заранее вызывает адвоката из юридической консультации. Когда подсудимый до вынесения приговора добровольно не оплачивает услуги адвоката, то суд в приговоре указывает, какая сумма будет взыскиваться с него в пользу юридической консультации по исполнительному листу. Но уголовных дел, а тем более таких сложных, в которых участвовал прокурор, в Карамышевском суде было мало. Поэтому меня нередко посылали в другие районы области для защиты на основании этой статьи.

Сохранился акт проверки моей адвокатской работы за апрель-ноябрь 1953 года. За это время я участвовал в 28 уголовных процессах, в основном не в Карамышеве. Из них лишь по четырем делам мне удалось заключить соглашения о предварительной оплате своих услуг. Эти неприятные, щепетильные разговоры у меня явно не получались. Но об этом на процессе забываешь, да и на публике, для престижа и завоевания авторитета невольно защищаешь в полную силу. Особенно запомнилось одно дело, проведенное на выезде и имевшее неожиданные последствия. Само дело не представляло ничего особенного: недостачу посуды у кладовщицы столовой на следствии признали хищением, не указав, как присваивалась ее стоимость. Не вняв моим доводам, суд приговорил подсудимую к 10 годам лишения свободы, и ее с конвоем отправили в псковскую тюрьму. В кассационной жалобе я указал на слабые места приговора. Перед выступлением в областном суде я прочитал там протокол судебного заседания, заглянул и в приговор. И вдруг оказалось, что он значительно отличается от зачитанного в зале народного суда: получив жало-

бу, судья явно переделала приговор. Копию первоначально приговора, врученного подсудимой в суде перед отправкой конвоя, я взял у нее на свидании в тюрьме и приложил к дополнительной жалобе. Приговор был отменен, а при новом рассмотрении дела в другом суде хищение было перекалифицировано на халатность и наказание определено без лишения свободы. Судью, у которой при проверке нашлись и другие прегрешения, убрали. Такое событие широко обсуждалось среди адвокатов.

Замечу также, что командировки в районные суды были нелегкими. Автобусное сообщение в области еще отсутствовало. По соседству, в Славковичи, куда меня вызывали чаще, приходилось идти пешком 10 км со станции Подсевы. Обратное, чтобы попасть на утренний поезд, удобнее было с вечера одолеть полпути и попроситься на ночлег в деревне Струково. Еще более трудными и даже страшными казались 12 км через густой лес от железной дороги до тогдашнего районного центра Ашево: на обратном пути в темноте зимним вечером чудились светящиеся волчьи глаза...

Но самым утомительным оказался 25-ти километровый переход из г. Острова в Воронцово (центр Сошихинского района). Его мы с адвокатом Борисом Сагаловичем совершили ранним утром в весеннюю распутицу. Грузовик, возивший почту и обычно бравший командировочных, из-за бездорожья не пошел. Прошла ли туда машина с заключенными, мы не знали. Большим проступком в адвокатуре считался срыв судебного заседания из-за неявки назначенных защитников. И мы решили идти пешком. Раскисший снег разъезжался под ногами, дорога просматривалась с трудом. И все-таки мы дошли к назначенному времени. А подсудимых не доставили, и судья перенес рассмотрение дела на дальний срок. Не теряя времени, лишь подкрепившись, мы отправились в обратный путь. На следующее заседание суда по этому делу нас назначать не стали.

Упомянутый акт проверки, составленный очень объективно заместителем председателя Президиума областной коллегии адвокатов С. А. Дубровской, помогает вспомнить и другие стороны моей работы заведующим Карамышевской ЮК. Сильва Абрамовна отметила аккуратное ведение делопроизводства по ЮК, подробное составление досье по каждому делу с выписками из материалов следствия, замечками по ходу судебного заседания, подробным планом защитительной речи, копиями поданных жалоб... По копиям бумаг, связанных с обслуживанием торговой базы, она пришла к выводу, что этот участок работы «ведется образцово и должен быть рекомендован для передачи опыта другим адвокатам коллегии».

Но делал я далеко не все, что требовали от адвокатов циркулярные указания Минюста. Еще в постановлении Президиума коллегии от 7 марта 1953 года всех направляемых в районы обязали заключить договоры на обслуживание колхозов района юридической помощью до 1 апреля 1953 года. Такой мизерный срок должен был свидетельствовать, что эта работа является главной и первоочередной. Однако руководящие товарищи в райисполкоме ответили мне, что сейчас колхозы в такой помощи не нуждаются, а когда понадобится, они сообщат. Только в июле по просьбе колхоза «Коммунар» я составил одно исковое заявление, что и было отражено в акте проверки с указанием на недостаточность этой работы.

Еще в акте было отмечено отсутствие общественно-массовой работы среди населения района, что тоже считалось серьезным недостатком. Но в Карамышеве меня никто об этом не просил, а читать по своей инициативе лекции о «советском суде – самом гуманном в мире» меня не тянуло. Тогда все знали про послевоенный Указ об усилении уголовной ответственности за хищение социалистической соб-

ственности, по которому за любую, даже мелкую кражу государственного или кооперативного имущества давали не менее 10 лет лишения свободы. В народе его называли «законом о колосках», так как тогда нередко карали за собирание колосков или оставшихся в поле на зиму клубней картошки. Да и первым самостоятельным уголовным делом, порученным мне, была защита работницы рыбной базы, сварившей из нескольких рыбешек суп для двух малолетних дочерей. И ее осудили на 10 лет. В кассационной инстанции я просил уменьшить наказание («ниже низшего предела»), поскольку суд не учел, что на базе задержали выплату зарплаты, и посмел заикнуться об ответственности лиц, виновных в ее задержке. Судья прервала меня, предупредив, что при продолжении речи в таком духе будет вынесено частное определение в адрес юрконсультации о моем наказании.

И немного о быте. Поначалу думалось, что в Карамышеве мне придется нередко оставаться на несколько дней. Отгороженный угол в комнате нашелся в частном доме севернее железнодорожного полотна, на второй улице, параллельной дороге. Редкие ночевки не радовали и из-за нашествия клопов. Не помогали даже банки с керосином, поставленные под каждую из четырех ножек кровати. Чтобы не зависеть от расписания поездов, изредка пользовался своим простеньким велосипедом...

В Пскове основным занятием оставалась юрисконсультская работа на базе. Она в основном была связана с бухгалтерией, и там мне отвели стол. Решив, что надо хорошо знать и бухгалтерское дело, летом того же 1953 года я поступил без экзаменов в Ленинградский заочный финансовый институт. При этом приняли во внимание не университетский диплом с отличием, а аттестат зрелости, который пришлось забрать из студенческого дела. Весной следующего года, ссылаясь на необходимость посещать библиотеку для подготов-

ки зачетных работ, попросил вернуть в городскую консультацию. Такое постановление Президиум коллегии адвокатов принял 12 марта 1954 года, возложив обслуживание Карамышевского района на адвоката Славковской ЮК. Впрочем, в 1959 году был упразднен сам Славковский район, а в 1963-м – и Карамышевский.

Мытарства в адвокатуре надоели так, что через полгода после перевода на постоянную работу в Псков, когда окончился трехлетний срок обязательной отработки по направлению Министерства, 31 августа 1954 года я подал заявление об увольнении. К этому времени состоялось объединение текстильной и швейной оптовых баз, и кооперированная база в свое штатное расписание включила полставки юрисконсульта. При нехватке юристов в городе получить еще полставки на других базах не составляло труда. 25 сентября меня отчислили из коллегии адвокатов по собственному желанию. Начался новый период моей служебной, а через 15 лет и внештатной экскурсионной и краеведческой деятельности.

Теперь по дороге в Порхов на очередную краеведческую конференцию, при проезде через Карамышево невольно вспоминаются и обстоятельства, связанные с той годичной «ссылкой». Но сказать почти по Пушкину («что прошло, то стало мило») не могу. Слишком много отрицательных эмоций вызывает это прошлое! Приходится успокаивать себя бесспорной истиной: «Времена не выбирают, – в них живут и умирают».